

*Светлой памяти
крупного деятеля высшей школы России
профессора Виктора Дмитриевича Симоненко
с благодарностью посвящаю*

Предисловие

Неоднозначность современного институционализма

Современная институциональная и эволюционная экономическая теория – интенсивно развивающиеся относительно молодые научные направления. Институционализм получил новый импульс к развитию с середины 1970-х годов, когда кейнсианство и неоклассический синтез перестали давать убедительные объяснения кризисным проявлениям в экономике. Эволюционный подход начал набирать интеллектуальный вес примерно с середины 1980-х годов, когда были созданы первые эволюционные модели фирмы. В учебном процессе высшей школы России эти течения стали изучаться только во второй половине 1990-х годов.

Особо следует отметить, что оба научных направления хотя и представляют передовой край современного экономического знания, далеко не однородны. Плюрализм экономической науки, неумение учитывать национальные аспекты хозяйственного развития (что выражается в неадекватном универсализме), заимствование некоторых аналитических конструкций и их приложение к решению отдельных социально-экономических проблем либо к описанию хозяйственных явлений в России порождают часто методологически ущербные концепции, которые своим появлением фальсифицируют социальную реальность. Такого рода доктриной, на мой взгляд, является «институциональная ловушка»¹. Тем не менее я счел необходимым в полном объеме воспроизвести ее основы, показать ее терминологический базис и инструментальные приложения, для того чтобы изучающий этот предмет смог сам составить суждение о целесообразности ее применения, ее возможностях и адекватности. Одновременно существенное место отведено моей авторской концепции «экономической дисфункции», разработка которой пришлось на 1997–1999 гг. –

¹ Активным популяризатором этой идеи в России является В.М. Полтерович.

период, когда мне довелось исследовать состояние оборонно-промышленного комплекса России.

Проницательному читателю станет ясно, что данная концепция обладает системным свойством и фактически поглощает случай «институциональной ловушки» как частный статический эффект институциональной динамики, которую вряд ли правомерно применять к анализу системных, тем более динамических, явлений, рассматриваемых на агрегированном (макроэкономическом) уровне. Раскрытие природы дисфункции института или экономической подсистемы объясняет природу устойчивости неэффективной нормы.

Таким образом, в данном курсе лекций отражены такие доктрины, которые спорны и одновременно рельефно характеризуют современное состояние российской институциональной школы, находящейся в поиске своего места в континууме мировой экономической мысли.

Процесс поиска, как всегда, сопряжен с неудачами, апробацией различных стратегий развития науки, новых методов и инструментов. Вне всяких сомнений, при этом возникает желание подражать, имитировать достижения других школ, особенно тех ученых, которые признаются авторитетами за рубежом. Российская экономическая наука, и даже в большей степени образование, подвержены имитационному эффекту наиболее отчетливо. Исследовательское сообщество России можно подразделить на две большие группы специалистов: первая выполняет работы, что называется, обзорного характера, хорошо владеет языками, осуществляет переводы, занимается по существу имитацией чужих достижений, расширяя возможности применения этих результатов; вторая занимается решением задач разработки собственных моделей и инструментов, в меньшей степени ориентируясь на достижения западных школ, пытаясь реанимировать традиции русской экономической мысли.

Конечно, подобное подразделение во многом условно. К тому же позитивный эффект может обнаруживаться вследствие продуктивного взаимодействия представителей таких двух групп. Однако, если одна из групп начинает доминировать, например, вследствие авторитета или эффекта «предфамильной приставки» одного из представителей, тогда возникает необоснованный перекося в развитии экономического знания и появляются концепции сомнительного содержания. Любой экономист, имеющий серьезную теоретическую подготовку, либо практический опыт экономической деятельности или консультирования, прекрасно осознает, что ни бартер, ни коррупция, ни спираль «инфляция–девальвация» не являются «ловушками».

В экономической науке термин «ловушка» был использован относительно давно: Дж.М. Кейнсом — применительно к динамике процента («ликвидная ловушка»), Дж. Хиксом и Э. Хансеном — применительно к

динамике инвестиций («инвестиционная ловушка»). Поэтому терминологической новизны относительно применения «институциональной ловушки», безусловно, нет. Однако с позиций методологии устойчивая неэффективная норма присутствует в эффекте «запирания» («lock in»), который хорошо описан и изучен в научной литературе. Кроме того, развитие экономики может происходить по неэффективным («хреодным») траекториям, предполагать отбор абсолютно неэффективных норм, одерживающих конкурентную победу над эффективными (эффект «qwerty» и эффект гиперселекции).

Стремясь защитить «ловушечный» подход, отделив его от представленный о дисфункции института и системы, В.М. Полтерович не вполне корректно проводит разграничительные линии, явно оставаясь в плену целевых установок, не имеющих отношения к пониманию существа вопроса. Приведу следующий текст, принадлежащий указанному автору: «Понятие институциональной ловушки иногда смешивают с понятием дисфункции институтов. Оба термина характеризуют неэффективность институтов, поэтому может возникнуть подозрение, что введенная терминология избыточна. В действительности это не так. Два термина относятся к существенно различным типам неэффективности. Институциональная ловушка — это равновесие, в котором агенты выбрали норму поведения, не эффективную по сравнению с другой нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях. Под дисфункцией¹ же понимается ситуация, когда функционирование института отклоняется от «стандартного» — от того, которое ожидалось экономическими агентами и (или) законодателем при «трансплантации или конструировании». Далее по тексту делаются два неверных утверждения, что «институциональную ловушку» можно считать причиной дисфункции института, в рамках которого она якобы сформировалась. При этом сам автор утверждает, что ловушка есть характеристика неэффективности равновесного института по сравнению с другим равновесием, а дисфункция — в его личной интерпретации и ошибочном понимании — неэффективность института по сравнению со стандартом².

Во-первых, говоря о стандарте, обнаруживается явное непонимание того, что в моей концепции речь идет о потере функций и снижении их эффективности, что, собственно, и представляет собой дисфункцию, а не

¹ Это определение является ярким выражением интерпретации указанного автора и не отвечает содержанию авторской концепции «экономической дисфункции».

² Из предисловия В.М. Полтеровича к книге: Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. С. 7.

о необходимости какого-то стандарта. Содержание функций, как и их число, обычно известны, так как функции представляются теми благами, которые воспроизводятся людьми для удовлетворения потребностей.

Во-вторых, в отличие от первоначальных трактовок «институциональной ловушки», понимая под ней выбор нормы (равновесие), причем менее эффективной, сравнительный аспект эффективности предполагает наличие стандарта, который не замечается сторонниками этой доктрины, подверженной эффекту институциональной регрессии, причем этот эффект порождается вводимыми ими определениями. К тому же весьма смутно определено понятие «равновесие института». В любом случае это другая норма, более эффективная, являющаяся стандартом по отношению к отобранной неэффективной норме. В связи этим необходимо четко заключить, что понимание дисфункции исключительно как явления, возникающего при трансплантации институтов, — это умышленное сужение и неверная интерпретация концепции «экономической дисфункции», как она сформулирована в этих лекциях и других работах автора. Именно дисфункциональность является причиной возникновения ловушки, а не наоборот, при этом случаи атрофии, перерождения института, либо конфликта есть по существу случаи различной глубины дисфункциональности, т. е. выраженные дисфункции института.

Как видим, аргументация против моей концепции «экономической дисфункции» довольно слаба, что вызвано, по всей видимости, недопониманием ее содержания, как она слаба — в пользу доктрины «институциональной ловушки».

Для последней в большей степени характерен эффект стандартизации, к тому же она статична, микроаналитична и неадекватно описывает макроявления. Механизмы возникновения таких явлений, как бартер, неплатежи, коррупция, теневая экономика, сугубо различны, они могут совсем не совпадать и не описываться некими институциональными равновесиями типа ловушек. Вот почему и реформаторам будет трудно избежать¹ их возникновения, поскольку при реформировании нужно заботиться о том, чтобы преодолевать дисфункциональность проектируемых институтов и экономических подсистем. К тому же перечисленные явления менее актуальны для развитых экономик, которые демонстрируют значительно меньшую дисфункциональность. Например, довольно проблематично рассматривать систему высшего образования России как попавшую в институциональную ловушку. А подобные статьи появляются, в частности, в журнале «Современное состояние экономической науки России». Необ-

¹ Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. С. 5.

ходимо обеспечить эту систему элементарными функциями, чтобы преодолеть высокий уровень ее дисфункции. Затраты по обеспечению этой цели и составят необходимые вложения по повышению эффективности этой системы.

Вот что ответил мне в своем письме на мою критику концепции «институциональной ловушки» автор книги по этой проблеме профессор Е.В. Попов: «Вашу позицию по ловушкам и более общий взгляд в виде концепции дисфункции институтов хорошо знаю. Но данная монография скорее посвящена некоторому суммированию «ловушечного» подхода и хорошо, что она вызывает дискуссии. Мне кажется, оба подхода хороши, и В.М. Полтеровича и О.С. Сухарева. И они не противоречат, а дополняют друг друга»¹.

Заключая, мне хотелось бы подчеркнуть, что никогда я не развивал, как мне приписали, теорию институциональных ловушек², так как не считал, что такая теория существует, что ее можно приписать одному человеку, как не считал и не считаю, что доктрина «институциональной ловушки», имеющая право на существование в интерпретациях разных авторов, в аналитическом плане корректна. Я обосновал собственную концепцию экономической дисфункции института, которая обладает более высоким уровнем обобщения и по существу вбирает в себя «ловушечные» рассуждения как некий эпизод, причем формулировка моей доктрины, как и ее опубликование в 1999 г., происходили либо одновременно, либо даже немного ранее, чем получил обширную трактовку «ловушечный» подход.

Впервые лекционный курс по основам институциональной и эволюционной экономики был прочитан мной зимой 2002 г. в г. Брянске по приглашению профессора В.Д. Симоненко. После ознакомления с рукописью моей монографии «Экономическая эволюция и институты» Виктор Дмитриевич предложил мне разработать курс лекций для специальностей «Экономика и управление», «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет и аудит», «Менеджмент организаций» и «Маркетинг».

Это предложение было сделано в период, когда институциональная экономика в качестве учебной дисциплины только проникала в систему высшего экономического образования России, и этот процесс происходил не без осложнений. Столичные университеты, отдавая дань моде и стараясь идти в ногу со временем, организовывали кафедры и специальные курсы в рамках названной дисциплины, а в регионах с трудом можно было

¹ Из письма проф. Е.В. Попова, автора книги «Теория «институциональных ловушек» и транзакционные издержки».

² Попов Е.В., Лесных В.В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. С. 11.

включить эту дисциплину в качестве элективной при верстке факультетских учебных планов. Консервативная часть региональной профессуры активно сопротивлялась новому направлению в экономическом знании, да к тому же не хватало подготовленных специалистов в рамках институционального направления. Дефицит кадров ощущается и в настоящее время. Подобное непонимание и неприятие присутствуют и сегодня, хотя нужно признать, оно явно идет на убыль. В этом, конечно, заслуга многих представителей российской ветви институциональной экономической школы, включая, разумеется, и профессора В.Д. Симоненко, который напрямую к ней не принадлежал, но глубоко понимал важность подобных исследований, как и ощущал острую потребность включения достижений этого научного направления в учебный процесс.

Поэтому мне бы хотелось посвятить представленный здесь курс лекций его памяти. На мой взгляд, это был выдающийся новатор и организатор высшей школы РФ, блестящий педагог¹, обладавший уникальным стремлением к постоянному самообразованию, тягой к разработке прогрессивных образовательных технологий, желанием и умением созидать.

За прошедшие годы этот курс, с некоторыми усложнениями, читался аспирантам, а также в таких учебных заведениях, как Финансовая академия при Правительстве РФ и Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова.

О.С. Сухарев

¹ В.Д. Симоненко являлся членом-корреспондентом Российской академии образования, заслуженным деятелем науки РФ.